

К.А. ТАБАРОВСКАЯ

РОССИЙСКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В истории России и Швеции 1905 год стал рубежным. Россия проиграла войну Японии, ее армия и флот были расстроены, финансы подорваны, а во внутренней жизни наступила смута (выражение современников) – Первая русская революция. В том же 1905 г. была расторгнута уния между Швецией и Норвегией, существовавшая с 1814 г. Это стало не только сильнейшим ударом по самолюбию шведов, но главное – принципиально изменились геостратегическое положение страны и оценка идей панскандинавизма, которым в свое время увлекались шведские верхи. К ставшему уже традиционным страху перед восточным соседом, Россией, присоединилась тревога за западную границу королевства.

Расторжение унии и прекращение существования такого субъекта международного права, как Соединенные Королевства Швеция и Норвегия, позволили России поднять вопрос о пересмотре тех положений Парижского трактата 1856 г., которые ограничивали ее суверенитет над Аландскими островами¹. Самостоятельные Швеция и Норвегия также нуждались в новых договорах. Начавшиеся консультации выявили различие в подходах великих держав к урегулированию этого вопроса. Россия желала исключить постороннее влияние на решение дел на Балтике. Великобритания настаивала на участии в переговорах стран, подписавших в свое время Парижский трактат, и Швеции, интересы которой непосредственно затрагиваются. Это заставило Россию снять Аландский вопрос с повестки дня. В результате 2 ноября 1907 г. Россия, Англия, Германия, Франция и Норвегия заключили договор об обеспечении независимости и территориальной неприкосновенности Норвегии. Швеция отказалась от подобных гарантий, усмотрев в них ущемление суверенитета и национального достоинства. А 23 апреля 1908 г. в Петербурге была подписана совместная декларация четырех Балтийских стран: России, Германии, Дании и Швеции о статус-кво в регионе. В специальном меморандуме оговаривалось, что декларация не касается свободного пользования правами верховенства четырех держав над своими владениями. Это сохраняло за Россией право добиваться отмены ограничения ее суверенитета над Аландами.

Собственно Аландский вопрос был единственным, по которому Россия и Швеция вели переговоры на официальном уровне и семейных встречах царствующих домов. Начиная с 1908 г. российская сторона неизменно подтверждала отсутствие у нее планов укрепления островов.

Примечательно, что подписание Балтийской декларации в Петербурге произошло одновременно с празднествами по случаю бракосочетания среднего сына шведского короля Густава V с кузиной Николая II. Официальное закрепление существующего положения вещей на Балтике совпало с неформальным выражением обоюдного стремления к добрососедству и сотрудничеству. Брак принца Вильгельма и Марии Павловны про-

Табаровская Ксения Андреевна – аспирантка Института всеобщей истории РАН.

¹ России запрещалось строить на принадлежащих ей Аландских островах оборонительные сооружения. Группа Аландских островов находится всего в 37 км от шведского берега и в 186,6 км от Стокгольма, что при определенных обстоятельствах могло создать угрозу шведской столице.

длится около пяти лет и был расторгнут в начале 1914 г. По замечанию шведского историка Г. Оселиуса он совпал с периодом в развитии русско-шведских отношений от доброжелательных до напряженных². Эта напряженность начала 1914 г. является, на наш взгляд, отражением общей нервозности накануне мировой войны вообще и обострения российско-германских отношений в частности. Вообще германский фактор в российско-шведских отношениях заслуживает отдельного исследования. Здесь же отметим, что отечественные дипломаты и военные атташе, аккредитованные в Стокгольме, неизменно подчеркивали пристальное и ревнивое внимание, с которым Берлин следил за развитием российско-шведских связей, и считали, что антироссийские "выходки" шведских правых в значительной степени инспирированы немцами.

Общий доброжелательный тон в отношении Швеции, к сожалению, не был подкреплен продуманной повседневной дипломатической работой. В 1905–1914 гг. на посту посланника в Стокгольме друг друга сменили пять дипломатов (Ф.А. Будберг, В.С. Сергеев, К.М. Нарышкин, А.А. Савинский, А.В. Неклюдов), из них двое серьезно болели и делами практически не занимались. В фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) нами не обнаружены политические инструкции посланникам. Савинский вспоминал, что ему было вменено в обязанность поднять престиж русского представительства в Стокгольме – его предшественник Нарышкин жил в меблированных комнатах, почти никого не принимал, тяжело болел и в конце концов подал в отставку. Сменивший Савинского в начале 1914 г. Неклюдов явился в МИД за инструкциями и не услышал "ни слова о наших отношениях к Швеции или ее отношении к нам". Последними напутственными словами ему были: "Пишите нам"³. Между тем назначение состоялось, когда уже вполне отчетливо ощущалось приближение войны. И направлялся Неклюдов в страну, откуда только что был выслан наш военный атташе, подозреваемый в шпионаже, и откуда некоторое время назад уехала наша великая княгиня, решившись на редкий в королевский домах шаг – развод. (В Швеции распространялись слухи о непосредственной связи между этими событиями.) Но главное – Неклюдов ехал в страну, которую Генеральный штаб уже много лет числил среди возможных противников в предстоящей войне. Многолетний сотрудник МИД А.К. Бентковский объясняет такое положение вещей пристальным вниманием министра иностранных дел С.Д. Сазонова к вопросам "высшей политики" и пренебрежением к остальным⁴.

Вместе с тем начало XX в. отмечено взаимным интересом России и Швеции друг к другу⁵. Художественные и промышленные выставки, литературные переводы, гастроли русского балета в Стокгольме и постановки пьес Стриндберга в Петербурге помогали соседним странам узнать о каждой из них. Культурные и гуманитарные связи этого периода не раз становились предметом научного интереса, но торгово-экономические отношения двух стран изучены недостаточно⁶. Даже в таких обобщающих работах, как отечественная коллективная "История Швеции"⁷ и "Швеция и Россия в прошлом и настоящем" А.С. Кана⁸ упоминаются успехи шведской промышленности, но ни слова не сказано об экономических отношениях между нашими странами. Предлагаемая статья – попытка отчасти восполнить пробел, опираясь на материалы АВПРИ, Российского го-

² Åselius G. The "Russian menace" to Sweden. Stockholm, 1994, s. 259.

³ Nekludoff A. En diplomats minnen 1911–1917. Stockholm, 1921, s. 152.

⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Бентковский А.К. ф. 218, № 558, Дневник, 1-й т., л. 124.

⁵ Кан А.С. Швеция глазами русских путешественников (1817–1917). – Новая и новейшая история, 1983, № 4; Чернышева О.В. Шведы и русские. Образ соседа. М., 2004.

⁶ Экономическое сотрудничество во время Первой мировой войны – тема одной из глав монографии И.Н. Новиковой «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны» (СПб., 2006).

⁷ История Швеции. М., 1974.

⁸ Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999.

сударственного военно-исторического архива (РГВИА) и повременной печати обеих стран.

Главным торговым партнером и России, и Швеции накануне Первой мировой войны была Германия. В обеих странах дальновидные и здравомыслящие люди понимали, какими опасностями чреваты растущие объемы германских поставок. В России это осознание пришло после русско-японской войны. В первую очередь было обращено внимание на отечественное военное производство. Практические шаги в этом направлении стали возможны, когда улучшилось финансовое положение, но в целом ситуация оставалась неизменной. Одна из основных причин – неразвитость русского торгового флота, которая не позволяла переориентироваться на другие рынки и привязывала импорт и экспорт к сухопутным границам империи.

Швеция, переживавшая промышленный бум, искала возможности для сбыта своей готовой продукции, но германский рынок, заинтересованный в поставках шведского сырья, был закрыт для машин и оборудования. Емкость и близость российского рынка (очень важное обстоятельство для шведских пароходных компаний, имевших тогда небольшой опыт дальнего плавания) были настолько привлекательны, что заставляли забыть о вековых страхах и предрассудках в отношении восточного соседа. Эти настроения шведских правительственных и деловых кругов доходили в Россию только по каналам МИД. Других представителей империи в Швеции не было: ни Российской торговой палаты, ни торгового агента министерства промышленности и торговли – только миссия и генеральное консульство, в которых трудились дипломаты, а также 21 нештатное консульство в портовых городах, где служили исключительно шведские подданные. Последние не знали русского языка, но этого и не требовалось, так как обслуживали они моряков российского торгового флота – сплошь финнов, также не говоривших по-русски. Дипломатические представители аккуратно информировали МИД о бюджетах Швеции, росте ее внешней торговли, развитии энергетики и интересе к российскому рынку. Работать на расширение российского экспорта в Швецию они не могли, тем более что наши торговые и экономические интересы в этой стране ни разу не были сформулированы в официальной переписке того времени (по крайней мере той, что хранится в фондах АВПРИ и РГВИА). Российский МИД традиционно делил страны на великие и второстепенные. Швеция относилась к второстепенным державам и не привлекала специального интереса. Промышленники и предприниматели из России не были знакомы со шведским рынком, поэтому их предложения носили случайный характер.

После расторжения унии перед Швецией встала задача создать свою собственную консульскую службу, адекватную возможностям и потребностям страны. В двухсторонних российско-шведских отношениях настало время заключить новый торговый договор взамен устаревшего 1838 г., основанного на взаимности уступок. В 1895 г. министерство финансов России уже возбуждало этот вопрос, но из-за "внутренней политической розни (между Швецией и Норвегией. – *К.Т.*) момент для начала переговоров был признан... неудобным"⁹. В августе 1906 г. наши страны заключили новый торговый договор, предоставив друг другу право наибольшего благоприятствования.

В предвоенный период шведские политические и деловые круги выступали за расширение экономических связей с Россией. Примечательно, что в этом вопросе консервативные и либеральные кабинеты были едины.

Уже в отчете за 1907 г. вице-консул К.А. Карасев отмечал "сильно развившееся за последнее время стремление шведов оживить торговые сношения с Россией"¹⁰. Посещение Густавом V, членами королевской фамилии и министрами Петербурга весной 1908 г. для подписания Балтийской декларации и участия в свадебных торжествах дало новый толчок для развития отношений. Шведы были очарованы оказанным им приемом. Позже мидовский обозреватель иностранной прессы писал, что в некоторых стокгольмских

⁹ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1905, № 1065, л. 6.

¹⁰ Там же, 1907, № 1370, л. 25.

газетах, без указания источника, появилось несомненно инспирированное сообщение: "Министр иностранных дел Тролле полагает ...что результатом недавно проявившегося в нашей стране большого интереса к России будет шведско-русская дружба. ...Мы до этого времени пренебрегали Россией, но следует думать, что ныне наши сношения с этой страной будут оживленнее, в особенности, что касается торговли"¹¹.

Британский посланник в Стокгольме в письме в 1909 г. к британскому послу в Петербурге указывал, что "шведское правительство очень расположено к России, но народ и военные классы преследуются историческими воспоминаниями. Всякий намек на старых врагов сейчас же достигает цели. Очень возможно, что Швеция подталкивается чем-нибудь вроде союза с Германией"¹².

Умеренная газета "Свенска дагбладет" в конце 1909 г. поместила статью, подписанную "Е. N-г." Автор утверждал, что еще два года назад русский рынок, "несмотря на свою близость, был нам абсолютно чужд". Однако постепенно приходит здравое понимание того, "что мы могли бы выиграть на русском рынке, который благодаря хотя бы только своему размеру предоставляет колоссальные возможности для сбыта". Более того, шведам стоит поспешить с учреждением в Петербурге своей торгово-промышленной палаты, поскольку за минувший год там было учреждено шесть таких палат и конкуренция будет только расти¹³.

Посланник Сергеев, прибывший в Стокгольм осенью 1910 г., был поражен произошедшей переменой: 12 лет назад он служил в русской миссии секретарем, и отношение к России было далеко от дружелюбного, теперь же "как король Густав V, так и окружающие его сановники не упускают случая подчеркивать свое расположение ко всему русскому и желание возможно прочнее закрепить дружественные отношения, установившиеся между соседними государствами"¹⁴. В том же 1910 г., отвечая на вопросы по организации заграничной службы МИД, генеральный консул в Стокгольме отмечал "все более и более развивающиеся торговые отношения между нами и Швецией"¹⁵. Многолетний секретарь миссии в Стокгольме К.Б. Сталь фон Гольштейн указывает на "усилия, прилагаемые в последние годы как шведским правительством, так и коммерческим миром к оживлению торговых сношений между соседними странами"¹⁶.

Осенью 1911 г. в Швеции прошли первые всеобщие выборы во вторую палату, в которых приняли участие около полумиллиона новых избирателей. В результате было сформировано либеральное правительство К. Стаафа. Российские представители в Швеции, военный агент в скандинавских странах А.А. Игнатьев и дипломаты, положительно оценивали смену кабинетов, полагая, что "чуждые патриотического шовинизма"¹⁷ либералы озабочены в первую очередь экономическими и социальными проблемами, а значит будут развивать торговлю с Россией. Сменивший Сергеева на посту посланника Нарышкин после беседы с новым министром иностранных дел Швеции А. Эренсвердом доносил в МИД: "Граф Эренсверд смотрит как и я на значение экономических сношений между странами и желал бы оживить нашу взаимную торговлю подобно тому, как Швеция успела развить ее с Германией"¹⁸.

Публикация в начале 1912 г. "Слова Предостережения" известного путешественника С. Хедина¹⁹ пробудила в шведском обществе традиционные страхи и предубеждения против России. По всей стране начался сбор добровольных пожертвований на строи-

¹¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1908, № 113, л. 28.

¹² Там же, 1909, № 69, л. 167.

¹³ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, № 895, л. 93.

¹⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1910, № 124, л. 3.

¹⁵ АВПРИ, ф. 193, оп. 817/1, 1909–1910, № 704, л. 40.

¹⁶ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1910, № 124, л. 29.

¹⁷ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, № 3285, л. 245.

¹⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1911, № 122, л. 71.

¹⁹ Подробнее см.: *Табаровская К.А.* "Слово Предостережения" в контексте русско-шведских отношений в 1912 г. – Северная Европа, вып. 6. М., 2007.

тельство тяжелого броненосца "Швеция". Российские и шведские дипломаты вели бесконечные объяснения по поводу "выходки" Хедина, подчеркивая важность экономического сотрудничества как способа установления доверия. Следует иметь в виду, что отношение к Российской империи в Швеции в предвоенный период было сложным. Понимание выгоды и перспективности сотрудничества сочеталось со страхом и подозрительностью, нередко сознательно нагнетаемыми. По мнению отечественных дипломатов, за антироссийскими кампаниями стояли прежде всего немцы и группа шведских "активистов", ратовавших за заключение военного союза с Германией.

С российской стороны о необходимости расширения экономических связей говорили в основном дипломаты. Каждый из них, прибывая к "месту служения", делал свое "открытие" Швеции. Показательно в этой связи наблюдение первого секретаря миссии Н. Вяземского²⁰: "В России сложилось некоторое пренебрежительное отношение к Швеции. Этому чувству был подвержен и я, пока не ознакомился ближе с нашей соседкой. Швеция – страна чрезвычайно высокой культуры, народ ее мужественен, крепок морально и физически, упорен, храбр – иметь его противником... будет чрезвычайно опасно. ...В виду развития их промышленности сближение с Россией послужило бы им на выгоду, открывая обширный рынок для сбыта... Сближение шведов с Германией поведет только к тому, что убьет или по крайней мере затормозит их собственную промышленность, так как в данном случае сама Швеция является рынком для германской промышленности. Договор союзный наш с Швецией должен быть, таким образом, поставлен в связь с договором торговым"²¹. Вяземский предлагал добиваться заключения с Швецией союзного договора, этот план заслужил комментария Николая II: "Стоит над этим подумать". Однако дальше дело не пошло.

Накануне Первой мировой войны Россия не преследовала никаких определенных экономических целей в Швеции. Прежде всего это была страна транзита. Над развитием торговли со Швецией размышляли служившие здесь дипломаты. Они не могли опереться ни на формальные инструкции ведомств, ни на самостоятельный интерес делового мира. Расширение экономического сотрудничества виделось им прежде всего как увеличение шведского присутствия на русском рынке, а не наоборот. По их мнению, укрепление экономических связей должно было прежде всего обеспечивать добрососедство в мирное время и нейтралитет в военное.

В начале XX в. объем российских поставок в Швецию вырос незначительно, а шведских в Россию в несколько раз. По данным отечественной статистики в 1905 г. Швеция ввозила в Россию товаров на 4,8 млн. руб.²², а к 1913 г. достигла 16,9 млн. руб.²³ Что касается ввоза России (без Финляндии) в Швецию, то по данным шведской статистики, в 1905 г. он стоил 28,9 млн. крон²⁴, а в 1913 г. – 29,3 млн. крон²⁵. При этом неуклонно снижался удельный вес российских поставок относительно всего заграничного ввоза в Швецию: средний показатель за 1876–1880 гг. – 7,70%, а за 1905–1910 гг. – 3,81%²⁶. В 1911 г. ценность всего шведского вывоза впервые превысила ценность ввоза, что объясняется не только увеличением количества вывозимых товаров, но и повышением цен на них. Одновременно рос и объем ввозимых товаров – сырья, предметов роскоши, продовольствия, а ввоз фабрикатов и полуфабрикатов незначительно сокращался²⁷. Перечень вывозимых в Швецию российских товаров в изучаемый период почти не менялся и на 75%

²⁰ Служил в Швеции в 1910 г. при тяжело больном Нарышкине и фактически заменял его.

²¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1910, № 124, л. 107–109.

²² Привоз иностранных товаров в Россию. Свод данных русской статистики внешней торговли за 1900–1911 гг., ч. I. СПб., 1913.

²³ АВПРИ, ф. 193, оп. 817/1, б/д, № 779, л. 2.

²⁴ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1907, № 1370, л. 2. 1 шведская крона стоила 52 копейки.

²⁵ АВПРИ, ф. 193, оп. 817/1, б/д, № 779, л. 2.

²⁶ Гольдштейн И.М. Русско-германский торговый договор и следует ли России быть "колонией" Германии. М., 1913, с. 11.

²⁷ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1912, № 738, л. 1–7.

состоял из зерна, яиц и выжимок, остальная часть приходилась на нефтепродукты, табак, лен и изделия из каучука. В предвоенный период Россия ощутила сильную конкуренцию со стороны Германии на шведском хлебном рынке. В некоторые годы Россия ввозила в Швецию ржи в семь раз меньше Германии и даже пшеницы в два раза меньше Германии²⁸. Единственным товаром, поставляемым в Швецию из группы "фабрично-заводские изделия", были резиновые галоши. В свою очередь шведский экспорт в Россию на 75% состоял из металлов, металлических изделий, машин, инструментов, судов и экипажей.

При этом не следует забывать известный феномен асимметрии в российско-шведских отношениях. Швеция увеличивала свой экспорт в Россию, но ее доля в общем ввозе в империю оставалась ничтожной. Швеция была заинтересована в российском рынке и формулировала конкретную задачу: увеличение сбыта готовых изделий. В разгар правительственного кризиса в феврале 1914 г., перед отставкой кабинета К. Стаафа, в "Гётеборгс-постен" появилась статья "Опорный пункт нашей внешней политики". Автор статьи подчеркивал: "Россия... эта могущественная страна, наш единственный крупный естественный клиент будущего"²⁹. Россия же оставалась пассивна, и только в 1911 г., с началом кампании за пересмотр торгового договора с Германией, проявила специальный интерес к малым странам Северной Европы. В этой связи летом 1912 г. ученый-экономист И.М. Гольдштейн был командирован премьером В.Н. Коковцовым за границу. Он побывал в Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии и Швеции. Следует признать, что лето 1912 г. было не самым удачным временем для посещения последней – народ, опасаясь русского вторжения, о котором писал Хедин, собирал кроны на броненосец. Гольдштейн отмечал: "Во всех странах, за исключением Швеции, в высшей степени благожелательное настроение к России"³⁰. В декабре 1912 г. на заседании Комиссии по подготовке торгового договора с Германией при министерстве финансов Гольдштейн прочитал доклад. Он показал, как немецкие фирмы сумели связать России руки в области железнодорожных фрахтов к германским границам и одновременно искусно урегулировать собственные железнодорожные тарифы для переманивания русских грузов к своим портам, как, размещая небольшие капиталы в русские экспедиционные конторы, им удалось постепенно изолировать русских от непосредственных сношений с другими странами. Между тем России стоило бы обратить внимание на малые страны Европы, экспорт в них едва достигает 200 млн. руб., в то время как ежегодно они ввозят на 700–800 млн. руб. продуктов, которые могла бы поставлять Россия.

Показательный эпизод произошел в связи с назначением российских торговых агентов министерства торговли и промышленности, должность была учреждена 15 мая 1912 г. В их задачу входило изучение иностранных рынков и работа на расширение российского экспорта. Лишь спустя почти год, в марте 1913 г., министерство распределило 13 районов деятельности агентов: 3 в Германии, 3 консолидированных (Болгария – Сербия – Черногория – Румыния, Бельгия – Голландия и Великобритания – Ирландия), а остальные – в Турции, Австро-Венгрии, САСШ, Франции (кроме Парижа, где по традиции работал агент министерства финансов), Италии, Персии и Монголии. Российская миссия в Стокгольме ходатайствовала о включении Швеции в сферу деятельности берлинского агента "в виду того, что Берлин является главным поставщиком шведского рынка, а также вследствие его близости и в виду того, что у берлинского агента имеется помощник"³¹. Однако "по соображениям сокращения расходов казны" специальная должность для Швеции и Дании не была учреждена, а предложение миссии оставлено без внимания. Уже в начале 1914 г. стала очевидна необходимость расширить зону ответственности торгового агента в Гамбурге на скандинавские страны. Одним из моти-

²⁸ Лященко П.И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927, с. 114.

²⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1914, № 344, л. 8.

³⁰ Гольдштейн И.М. Указ. соч., с. 4.

³¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1913–1917, № 654, л. 51.

вов этого решения стал "предстоящий в скором времени пересмотр торгового договора с Германией, при коем наше положение окажется тем сильнее, чем больше нашему экспорту удастся создать для себя рынков сбыта помимо германских"³². И тут начинается житейская история.

Торговым агентом в Гамбурге был некто Н.И. Стремоухов, имевший репутацию скандалиста. Консулом в Любеке, входящим в зону ответственности Стремоухова, был К.А. Карасев. В 1908 г. оба чиновника служили в Стокгольме, один вторым секретарем миссии, другой вице-консулом. Отношения их были испорчены уже тогда, а в Германии дело дошло до разрыва личных отношений. Равно и российский посланник в Гамбурге Н.Н. Демерик жаловался на "усвоенный им (Стремоуховым. – К.Т.) при наших, к сожалению, частых размолвках агрессивный, едва терпимый тон", а также на то, "что со времени его прибытия сюда, во взаимных отношениях служебного персонала... миссии стали появляться замешательства, раньше не бывавшие, и всякий раз с причастностью этого чиновника"³³. Посланник в Копенгагене К.К. Буксгевден, узнав о возможном назначении, обратился с личной просьбой к товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову: "Не признаете ли Вы возможным отклонить причисление г-на Стремоухова к вверенной мне миссии в виду известной мне бестактности этого чиновника"³⁴. Тем не менее в марте 1914 г. С.Д. Сазонов дал положительный ответ на предложение министра торговли и промышленности С.И. Тимашева включить Данию и Швецию в округ, порученный Н.Н. Стремоухову, но с оговоркой: "По известным Вашему Высокопревосходительству из устных сообщений обстоятельствам я находил бы желательным отложить причисление агента вверенного Вам ведомства к Российским Императорским миссиям в Копенгагене и Стокгольме"³⁵. Что это за обстоятельства, остается только гадать. Вскоре Стремоухов внезапно скончался, и на его место в Гамбург был назначен В.М. Русинов, не успевший до начала войны выехать в Германию. Тогда "местопребыванием" его стал Стокгольм "на то время, в течение коего для него не будет возможности находиться в Гамбурге"³⁶. Всю войну Русинов провел в Швеции, налаживая поставки в Россию. Но не следует забывать, что изначальной его целью было расширение российского сбыта, а не наоборот, и торговым агентом он был в Гамбурге, а Дания и Швеция были лишь прикреплены к этому округу.

Развитию российско-шведских экономических связей препятствовала неразвитость путей сообщения. До 1908 г. оно шло по финляндским железным дорогам и на судах финляндского пароходства. В 1907 г. в Стокгольмский порт зашло 485 судов под российским флагом, из них 460 было финляндских³⁷. Железнодорожное и морское расписание было подчинено интересам прямого и непрерывного сообщения Великого Княжества с Западной Европой. Сообщение между Петербургом и Стокгольмом происходило через Або (Турку) и в меньшей степени через Гангут (Ханко). Расписание поездов, прибывающих из Петербурга и отходящих обратно, не было согласовано с расписанием судов. Поезд из Або в Петербург проходил 575 км за 18 часов 40 минут, имея в пути 59 остановок.

Инициаторами устройства прямого и скорого сообщения с Россией (минуя Финляндию) выступили шведы. Первый раунд переговоров прошел летом 1907 г. в Петербурге³⁸. С шведской стороны в них участвовали генеральный директор Управления торговли и промышленности А. де Лагергейм, чрезвычайный посланник в Японии К. Валлен-

³² Там же, л. 4–5.

³³ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1913–1917, № 654, л. 81.

³⁴ Там же, л. 102.

³⁵ Там же, л. 14–15.

³⁶ Там же, л. 21–22.

³⁷ Там же, л. 18.

³⁸ Почти одновременно велись шведско-германские переговоры о паровом паромном сообщении между Засничем и Треллеборгом. Договор был подписан в Берлине 15 ноября 1907 г. Переправа заработала летом 1909 г.

берг и генеральный консул в Санкт-Петербурге К.В. Хагелин. С российской стороны – представители Управления железных дорог, отдела торгового мореплавания и Съезда по делам международных сообщений русских железных дорог³⁹. На этой встрече шведы сформулировали свои предложения и пожелания, а наши делегаты выслушали и прокомментировали их. Шведское предложение заключалось в установлении скорого пассажирского и товарного сообщения через Ревель (Таллинн) или Ригу и Виндаву (Вентспилс), в качестве дублирующего Ригу незамерзающего порта. Сообщение должно было поддерживаться шведской паровой пароходной компанией, субсидируемой шведским правительством. "В виде эквивалента"⁴⁰ шведы рассчитывали и на субсидию от имперского правительства. Предполагалось согласовать морское и железнодорожное расписание. На первое время шведы предлагали установить регулярное товарное сообщение через Ревель с Петербургом и Москвой в течение всего года. В Ревельском порту они просили бесплатно предоставить отдельную пристань с амбаром, у которой могла бы производиться разгрузка пароходов без очереди, немедленно по их прибытии, как это практикуется в Баку и Астрахани. Ссылка на Баку и Астрахань не случайна. Карл Вильгельм Хагелин, или Карл Васильевич, в 1906 г. стал генеральным консулом Швеции в российской столице. Эту должность он совмещал с шестью другими: в Санкт-Петербургском международном банке, компании Нобелей и подконтрольных им предприятиях⁴¹. Родился Карл Васильевич в России, родители его были шведы. Он владел русским и шведским языками. Начав работать у Нобелей слесарем механической мастерской на керосиновом заводе, поднялся на самый верх служебной лестницы в нобелевской корпорации и был одним из самых верных сотрудников. Именно Хагелин боролся за российскую часть компании вплоть до ее национализации, а вернувшись в Стокгольм, работал над реструктуризацией того, что осталось от "Товарищества Братьев Нобель"⁴².

Следующие переговоры также проходили в Петербурге в июне 1908 г. Стало ясно, что первоначальный проект должен быть ограничен грузовым сообщением (с приспособлением грузовых судов для перевозки небольшого числа пассажиров) и не через Ревель, а через Ригу и Виндаву, "так как общее расстояние между Стокгольмом и Москвой в сем последнем направлении короче направления через Санкт-Петербург"⁴³. Шведские предприятия располагались в основном на северо-западе России, возле Петербурга, с которым связь поддерживалась морем, и Риги, а в центральной России – в московском регионе. Представляет несомненный интерес список товаров, на которые были рассчитаны ставки ввозных тарифов: из России в Швецию – хлеб, мука, яйца, масло, мясо, дичь и битая птица, лен, пенька, шерсть, кожа и мануфактурный товар; из Швеции в Россию – железо, сталь и изделия из них, машины и инструменты, моторы, паровые турбины, электрические машины, локомобили, сепараторы, телефоны, керосинки, целлюлоза, бумага, древесные полуфабрикаты и спирт, калий и натрий хлористый, кальций-карбид, конторская мебель, дорожные сундуки, литографии, мануфактурный товар и сельдь.

Примечательно, что о переговорах 1907 и 1908 гг. в российском МИД узнали только в июле 1908 г. из сообщения шведского дипломата барона Левена. Он извещал о подготовленном шведскими делегатами проекте по итогам переговоров 12–13 июня 1908 г.⁴⁴ После этого МИД обратился в министерства путей сообщения, финансов, торговли и промышленности с просьбой "не отказать уведомить о сущности переговоров". В ответ министерства финансов и путей сообщения прислали протоколы заседаний и высказались за проектируемое сообщение, а министерство торговли и промышленности с ого-

³⁹ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1908, № 21; 1907, № 475.

⁴⁰ Там же, 1908, № 21, л. 11.

⁴¹ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. М., 1992, с. 199.

⁴² Хагелин К.В. Мой трудовой путь. Нью-Йорк, 1945.

⁴³ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1908, № 21, л. 15.

⁴⁴ Там же, л. 1.

воркой: "Интересы русского флага в Балтийском море" не должны быть нарушены. Изучив все предоставленные документы, МИД высказало обоснованное опасение: не будут ли все грузы привлечены "на эту иностранную линию"⁴⁵.

Между тем уже осенью 1908 г. шведское правительство утвердило проект прямых пароходных рейсов Стокгольм–Рига (в случае сильных холодов – Стокгольм–Виндава) и заключило пятилетний контракт с пароходным обществом "Свеа", обязавшись в течение первых двух лет выплачивать ему 60 тыс. крон ежегодно и по 55 и 50 тыс. крон в последующие годы. Сообщение началось сразу по окончании навигации Финляндским пароходным обществом – финские порты, как известно, с наступлением холодов покрывались льдом и закрывались. Один раз в неделю пароход "Густав Ваза" совершал рейс в Ригу и обратно.

Таким образом, шведским правительством в одностороннем порядке было установлено регулярное грузовое сообщение с одним русским портом. В области пассажирского сообщения изменений не произошло и дальнейшие собеседования велись с российскими дипломатами в Стокгольме по этому поводу. Так, в донесении от 15 июня 1910 г. Вяземский докладывал: «Вчера на очередном приеме аккредитованных при королевском дворе дипломатических представителей министр иностранных дел [Арвид Траубе] ...выразил мне свои сетования по поводу неудовлетворительности и медленности почтово-пассажирских сообщений... между столицами обоих государств. ..."Я был бы счастлив, – продолжал граф Таубе, – если бы мне удалось достичь в этом случае того, что я достиг в смысле установления непрерывного и ускоренного сообщения между Берлином и Стокгольмом"». Вяземский признает, что "пассажирское движение действительно возросло до весьма больших размеров и сюда наезжает весьма значительное число русских туристов"⁴⁶. Шведская печать в 1913 г. называет цифру в 4 тыс. человек. Очевидно растет поток и в направлении из Швеции в Россию (или через Швецию). Об этом свидетельствует контракт, подписанный весной 1911 г. между Управлением северо-западных железных дорог и Северным бюро путешествий "Нурдиск ресебюро" об открытии и содержании последним конторы в Петербурге для продажи в ней и в заграничных конторах бюро купонных книжек на проезд по некоторым русским казенным железным дорогам. Одновременно "Нурдиск ресебюро" обязуется продавать расписание пассажирского сообщения на российских железных дорогах, путеводители, карты и альбомы, а также бесплатно распространять печатные материалы, касающиеся путешествий по России⁴⁷. По мнению Вяземского, следует предупредить финляндские пароходные общества, чтобы они внесли изменения в расписание, пустили на линию современные пароходы, иначе за них это сделают шведы. Российский дипломат подчеркивал нежелательность того, чтобы "шведские капитаны судов получали за наш счет опыт плаванья по нашим шхерам"⁴⁸.

Таубе настойчиво возвращался к вопросу об улучшении сообщения между двумя странами. После очередного разговора на эту тему Нарышкин написал отчет в МИД, в котором настаивал на модернизации линии Санкт-Петербург – Гельсингфорс – Стокгольм. Этот отчет удостоился пометки Николая II синим карандашом: "Сделать все возможное"⁴⁹. Поскольку именно надпись синим карандашом решала дело, то с этого момента обсуждение вышло за пределы МИД и приняло деловой характер. Миссия в Стокгольме выслала еще два варианта предложения. Первый – через Ревель в обход финляндских морских и железнодорожных систем. Второй – улучшение одной из существующих линий через Або или Гангут. Предложения были переданы в министерство путей сообщения. Это министерство подключило министерство торговли и промыш-

⁴⁵ Там же, л. 2, 3, 9.

⁴⁶ Там же, 1910, № 188, л. 1–2.

⁴⁷ АВПРИ, ф. 193, оп. 817/1, 1911, № 773, л. 348–353.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1910, № 188, л. 5–7.

ленности. Председатель Совета министров П.А. Столыпин сделал запрос финляндскому генерал-губернатору.

В ведомствах обсуждались предложения, сделанные миссией в Стокгольме. В том числе были запрошены морские предприятия Балтийского моря на предмет устройства линии Ревель – Стокгольм. Откликнулся только один предприниматель, заявив, что хочет получать за срочные рейсы субсидию в 145 тыс. руб. в год⁵⁰. Это было больше, чем получало пароходство "Свеа" от шведского правительства. Результатом обсуждений, запросов и подсчетов стало решение наладить регулярное скорое пассажирско-почтовое движение на линии Або – Стокгольм, ввиду "краткости и спокойствия морского перехода"⁵¹. Но главным резонансом этого решения стало финансовое соображение – улучшение должно было совершиться за счет финляндского казначейства, без затрат по общегосударственной росписи.

Теперь переезд из Петербурга в Стокгольм занимал 24,5 часа вместо прежних 37,5 часов, а переезд в обратном направлении – 28 часов вместо 37. Весной 1912 г. эта линия была запущена. В "Новом Времени" появилась заметка, в которой подчеркивалось, что скорое движение на линии Петербург – Або это "наиболее короткий и удобный путь из Англии в Китай, Японию и Австралию. Установление прямого сообщения теперь несомненно ускорит транзит английских пассажиров через Россию"⁵². В общественном мнении выгодами сообщения, инициатором которого в действительности выступала шведская сторона, должны были воспользоваться англичане, российско-скандинавские связи оставались на периферии сознания широкой публики.

Вместе с тем в Швеции не прекращалось обсуждение возможности развития морских сообщений с Россией. В 1911 г. была создана комиссия, особый интерес которой был направлен на сообщение с Виндавой. Еще в 1908 г. шведы исследовали здешний порт и промерили глубины. Порт был невелик, но динамично развивался, обладал удобными подъездными путями, большим запасом земли, современными холодильными складами. Шведское экспортное общество, во главе с председателем бароном К. Бунде, ратовало за расширение грузовой линии Стокгольм – Рига и создание линии Стокгольм – Ревель. Осенью 1911 г. стало ясно, что российская сторона сделала ставку на ускоренное движение через Финляндию. Ревель же был привлекателен для шведов, поскольку через него были бы приближены центральные русские рынки. Проблема заключалась в отсутствии прямого железнодорожного сообщения между Москвой и Ревелем. По сообщению Савинского⁵³, он получил заверения Шведского экспортного общества о готовности предоставить деятельную помощь в случае, если в России будут предприняты меры к установлению сообщения между Ревелем и Стокгольмом.

Таким образом, в предвоенный период были предприняты некоторые шаги к установлению регулярного, скорого грузового и почтово-пассажирского сообщения между Россией и Швецией. Результаты признавались недостаточными. Швеция стремилась расширить поставки своей готовой продукции. Ее главный торговый партнер Германия импортировала из Швеции в основном сырье, а экспортировала готовые фабрикатy. Необъятный российский рынок давал возможность увеличить вывоз машин и оборудования. Преследуя конкретные задачи, шведская сторона проявляла настойчивость в решении транспортной проблемы. Для России же скандинавское направление не было приоритетным, она отвечала на шведские инициативы в ограниченном объеме. Следует отметить, что в период действия шведско-норвежской унии де-факто существовало разделение: норвежские компании работали на трансатлантических линиях, шведские обеспечивали внутришведский товарообмен и связь с центральными портами перегрузки – Гамбургом, Лондоном, Роттердамом, Антверпеном, Ливерпулем. Избавляться от

⁵⁰ Там же, л. 30.

⁵¹ Там же, л. 31.

⁵² Новое Время, 26 апреля/9 мая 1912, № 12974.

⁵³ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1910, № 188, л. 36–40.

посредников и иметь регулярное сообщение с перспективными рынками – глобальная задача шведской внешней торговли того времени, одно из ее решений – новые линии к российским балтийским портам.

Шведский консул в России К.А. Рюберг по возвращении на родину написал статью, в которой перечислил проблемы шведского предпринимательства в нашей стране. Прежде всего это отсутствие кооперации малых и средних предприятий. По мнению Рюберга, им следовало бы перенять германский опыт и объединяться для представительства и организации надежного сбыта. «В Швеции, где много и инициативных, и опытных людей, нередко можно услышать обоснованное возражение: "Это так дорого посылать кого-нибудь в Россию". На это следует ответить: это действительно дорого, но поступайте как немцы – объединяйтесь и вместе отправляйте своего представителя»⁵⁴. Отсутствие фиксированных цен в начале работы на новом рынке, отмечал шведский консул, также не способствует удачному продвижению товара.

Теперь, оставив в стороне общие для развития русской внешней торговли проблемы, сосредоточимся на специфических на шведском рынке. Специально изучавший этот вопрос Гольдштейн в качестве основных называл "часто запретительные ставки" русского таможенного тарифа и, как следствие, – фрахты, стоящие "на неимоверно высоком уровне"⁵⁵. Известен случай, когда удачная разовая поставка русского леса для целлюлозной фабрики в Западной Швеции не получила продолжения из-за высоких фрахтов⁵⁶. Ситуация усугублялась ценовым соглашением между финляндскими линиями Петербург – Стокгольм, Або – Стокгольм и датской компанией, поддерживающей сношения с русскими портами. Один из крупнейших промышленников Швеции сообщал, что его фирме выгоднее посылать товары через Гуль, а оттуда в Петербург и другие русские порты, чем пользоваться услугами финляндских пароходных линий⁵⁷.

Не менее серьезное препятствие – незнание шведского рынка. В отчете генерального консульства за 1907 г. отмечалось большое число запросов из России. В основном они исходили от уроженцев Прибалтийского края и поляков, "от коренных же русских купцов запросов ...весьма мало и в большинстве случаев они свидетельствуют о совершенном незнакомстве с нуждами шведского рынка"⁵⁸. Последнее замечание относится не только к "коренным русским". Спрашивали о возможности продавать в Швеции металлические изделия – вилы и лопаты для садоводства и горного промысла; о поставках русских рыбных и овощных консервов, картофельной муки, сахара – песка и рафинада, т.е. товаров, что Швеция сама производила в изобилии и экспортировала. Предлагались и товары, ввоз которых из России в Швецию был запрещен – например, свежее мясо, нетопленное сало, кости и внутренности животных, шерсть, волос, рога и копыта и даже бывшие в употреблении принадлежности скотных дворов⁵⁹. Однако еще в 1898 г. королевское правительство объявило европейскую и азиатскую Россию зоной, неблагоприятной по эпизоотии, и наложило связанные с этим ограничения на ввоз. (Добавим к этому, что и холера считалась в Швеции "русской болезнью"⁶⁰.)

Русские купцы не посылали в Швецию коммивояжеров. В отличие от своих шведских коллег, они не имели и возможности опереться на поддержку торговой колонии, ее в Швеции не было. По подсчетам шведской полиции, в 1907 г. в Стокгольме проживало около 1200 российских подданных, основную массу составляли финляндцы, выходцы из Прибалтийского края, евреи. Русских было около 30 человек⁶¹. Вспоминая свою службу

⁵⁴ Ryberg C.A. Småbruk och industriell stordrift. Några näringspolitiska synpunkter. – Det nya Sverige. 1908, s. 25–26.

⁵⁵ Гольдштейн И.М. Указ. соч., с. 51.

⁵⁶ АВПРИ, ф. 193, оп. 817/1, 1911–1912, № 252, л. 430.

⁵⁷ Гольдштейн И.М. Указ. соч., с. 16.

⁵⁸ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1907, № 1370, л. 18.

⁵⁹ АВПРИ, ф. 193, оп. 817, 1907, № 641, л. 103; 1908, № 644, л. 203; оп. 817/1, 1911, № 760, л. 26.

⁶⁰ Биржевые ведомости, 1909, № 11193. (Утренний выпуск).

⁶¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 408, 1907, № 1370, л. 15.

в Стокгольме в качестве генерального консула, заместитель директора Второго департамента МИД В.Н. Березников припоминает лишь одного русского предпринимателя, поселившегося в шведской столице, – главу "Стокхольмс эг экспорт" Н.Н. Соловьева, уроженца Выборгской губернии. В 1909 г. на запрос студента Санкт-Петербургского университета Б.П. Сунгурова о возможности найти на лето место репетитора в русском семействе, проживающем в Стокгольме, генеральное консульство ответило – "таковых в Стокгольме не имеется"⁶². В 1910 г., отвечая на вопрос заграничной службы МИД, "не полагаете ли вы слишком великим порученный вашему наблюдению округ?", генеральный консул ответил: "Слишком великим нет, так как пока еще число русских подданных в Швеции не так велико и размеры торгового обмена, если исключить самый город пребывания консульства и 3–4 других городов – тоже не велик"⁶³. В изданном в 1912 г. для служебного пользования Главным управлением Генерального штаба обзоре Средне-Шведского района отмечается, что русских можно встретить только в Стокгольме и то их очень немного, до 300 человек⁶⁴.

В 1906 г. с подачи агента министерства финансов в Париже А.Г. Рафаловича на страницах "Вестника финансов, промышленности и торговли" разгорелась дискуссия о реформе консульской службы и роли консулов в развитии отечественного экспорта. В дискуссии принял участие и В.Н. Березников. Он поддержал идею введения специальной должности торгового агента и не согласился с утверждением, что консулы могут и должны заниматься продвижением товаров своих стран на рынки стран пребывания. Ссылаясь на собственный опыт, он указал, что положение императорских консулов затруднено отсутствием в большинстве заграничных торговых центрах русских торговых колоний. За справками и сведениями отечественные консулы вынуждены обращаться к иностранцам, не склонным давать полезные для чужого торгового дела сведения⁶⁵.

Следует отметить, что одновременно и в Швеции обсуждался вопрос о консульской службе. Уния распалась, и следовало, оптимизировав расходы, соблюсти торгово-промышленные интересы Швеции. В результате в России действовали шведские консульские учреждения в Петербурге, Москве, Риге, Гельсингфорсе и Архангельске. Это количество не считалось достаточным, и вопрос об увеличении числа консульских представительства в России не сходил с повестки дня. Однако у шведов в России был такой мощный ресурс, как Нобели. Э.Л. Нобель, действительный статский советник и потомственный почетный гражданин, пользовался высокой поддержкой в царских верхах. "Без личных связей и отношений в высших сферах, регулярно и умело используемых, Нобель никогда не смог бы достигнуть того положения, которое он занимал в царской России"⁶⁶. Пользуясь этим положением, представители семьи Нобель заседали в правлениях российских филиалов шведских компаний и помогали им "решать вопросы" и утверждаться на русском рынке⁶⁷.

В 1886–1915 гг. пять шведских транснациональных предприятий открыли филиалы в России. Большое количество крупных предприятий имело здесь торговые конторы или было представлено другими предприятиями⁶⁸. Шведы получали в России крупные заказы. Вот лишь два примера. В 1912 г. в Рижский порт прибыл ледокол "Петр Великий", построенный на гётеборгском заводе. В 1911 г. заводы морского ведомства – Балтий-

⁶² АВПРИ, ф. 193, оп. 817, 1909, № 669, л. 82–83.

⁶³ Там же, 1909–1910, № 704, л. 44–45.

⁶⁴ Швеция. Обзор Средне-Шведского района. Сост. полковник Гиссер и капитан Пересвет. СПб., 1912, с. 209.

⁶⁵ Березников В. К вопросу о реформе нашей консульской службы. – Вестник финансов, промышленности и торговли, 1906, № 52–53.

⁶⁶ Фурсенко А.А. Нефтяные войны (к. XIX – н. XX вв.). Л., 1985, с. 26.

⁶⁷ См.: Голяков А.Н. Торгово-промышленные связи между Швецией и Россией в к.19 – н. 20 вв. – Проблемы отечественной истории, вып. 7. М., 2002.

⁶⁸ См.: Carlback-Isotalo H. Att byta erkännande mot handle. Svensk-ryska förhandlingar 1921–1924. Uppsala, 1997.

ский и Адмиралтейский – заключили договор со "Стандарт Грюен и Ко" (Стокгольм) на изготовление и поставку 54 670 оцинкованных труб для котлов линейных кораблей "Севастополь" и "Полтава", заложенных 4 июня 1909 г. Договор в том числе предусматривал стажировку русских мастеров и инженеров в Швеции, а также двухкратное посещение шведским инженером, на срок не менее восьми рабочих дней, русских заводов для консультаций на месте⁶⁹.

Ничего подобного с русской стороны не происходило. Уже в годы войны сотрудник министерства торговли и промышленности Е.И. Омельченко констатировал: "Шведский рынок не знает наиболее солидных представителей русского делового мира"⁷⁰.

Подводя итоги, еще раз обратим внимание, что в предвоенный период российские дипломаты и шведские правительства (консервативные и либеральные) заявляли о желании развивать торговые и экономические связи. Шведские заявления подкреплялись деловым интересом реальных экономических субъектов. Этого нельзя сказать о заявлениях отечественных дипломатов. Они предлагали шведам российский рынок и констатировали возрастающий, но некомпетентный интерес со стороны российских предпринимателей. Крупный отечественный бизнес не был известен в Швеции. Наконец, шведы преследовали в России вполне конкретную цель – сбывать готовые изделия и машины и вполне преуспели в этом. Отечественные предприниматели не знали шведского рынка и не ставили перед собой никаких определенных задач. В результате русский экспорт в Швецию хотя и вырос незначительно в абсолютных цифрах, однако его доля в общих поставках в эту страну упала. Ситуация резко изменилась с началом войны. Швеция стала для России не только страной транзита, но и важным поставщиком, отчасти заменив собою Германию.

Алармистские прогнозы российского Генерального штаба не оправдались – Швеция осталась нейтральной и не выступила на стороне Тройственного союза. Правы оказались те российские дипломаты, кто призывал внимательнее присмотреться к нашему северному соседу, "второстепенной державе", в короткий срок сумевший значительно развить свою промышленность, используя достижения шведских ученых и инженеров.

⁶⁹ АВПРИ, ф. 193, оп. 817/1, 1911, № 773, л. 553–557.

⁷⁰ Там же, б/д, № 779, л. 7.